

С точки зрения ежика
(вместо введения)

И вы себе не представляете, как ужасно неудобно играть, когда все они живые! ...Сейчас я могла крокировать королевиного ежика, а он взял да и убежал от моего ежа...

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

Эта книга вовсе не учебник. Она, скорее, — «антиучебник». И даже не потому, что некоторые события здесь получают непривычное освещение. Существеннее другое. Учебники рассказывают о правилах и законах, которые нужно выучить и запомнить. Когда так пишут учебники по физике и химии — это естественно; беда, что тем же манером пишут и учебники по истории. Даже когда «закон истории» не формулируется в них открыто, построение рассказа всегда подразумевает некоторую скрытую предопределенность исхода. Представления эти проявляются в оценках действующих лиц как «прогрессивных» и «реакционных», то есть приближающих или отдаляющих желательный «конец истории».

Это происходит не по злему умыслу. В конце концов, история состоялась так, как состоялась, а не иначе, и человек, изучающий ее, знает (пусть даже эти знания весьма ограничены), как и чем закончились те или иные события. Но проблема в том и состоит, что история не имеет объективных законов, кроме тех, которые придумывают пишущие. Все попытки подвести историю под какое бы то ни было общее правило — будь то божий промысел, понимаемый в качестве генерального плана; прогресс просвещения; «естественно-исторический процесс» смены общественно-экономических формаций; позаимствованные у биологии законы рождения, роста и гибели цивилизаций — пошли прахом. Целенаправленная деятельность человека в прошлом, составляющая существо истории, не подчиняется никакой кабинетно измышленной закономерности. Если бы подчинялась, историк, подобно физику и химику, мог бы знать чем закончится процесс и делать верные предсказания на будущее. Удавалось — весьма редко и самым чутким — угадывать. Предсказывать не удавалось никому, и не потому, что предсказателям недос-

тавало таланта или знаний. Просто история — поле деятельности человека, который обладает не только разумом, но и свободой воли. В силу этой свободы никакая последовательность исторических событий не представляет собой «процесса», подчиняющегося закономерности, которая хотя бы отдаленно напоминала законы, действующие в природе. Траекторию движения «упругих тел» после столкновения можно предсказать с большой точностью, но совершенно бессмысленно требовать, как Алиса, чтобы живые ежики вели себя как деревянные крокетные шары. Нет, они, конечно, катятся после удара носом фламинго, но... куда сами хотят.

Именно потому, что человек наделен разумом и волей, нельзя сделать никакого верного прогноза относительно будущего человеческого общества. В 40-е гг. XIX в. Карл Маркс, наблюдая чудовищную эксплуатацию промышленных рабочих, предрек неизбежность построения коммунизма в результате обострения классовой борьбы и победы пролетариата. Нашлись люди, приложившие немало усилий для приближения пролетарской революции. Но немало усилий было затрачено и теми, кто старался такого будущего избежать — среди них были как рабочие, так и работодатели. Прошло сто лет, и в мире (по крайней мере, в той его части, которая активно сопротивлялась проекту будущего по Марксу) уже не существует того пролетариата, об участии которого сокрушался Маркс. Проблемы, касающиеся будущего, не исчезли, но это уже совершенно другие проблемы.

Как остроумно заметил французский историк Антуан Курно, общий ход истории правильнее уподоблять шахматной партии, где каждый новый ход — результат свободного выбора игрока. Мы можем постараться понять его мотивы (собственно, в этом и состоит главная задача историка), но не можем сформулировать общий закон развития партии и предсказать ее результат. Игрок свободен в тех пределах, которые диктует ему позиция, также являющаяся результатом предшествовавшего свободного выбора, а не какой-либо закономерности. Более того, у каждого человека свое понимание этих пределов. И это — единственный неоспоримый вывод, к которому пришла историческая наука, пройдя за последние полтора столетия через множество искушений и соблазнов. Урок истории — это урок свободы. Урок, усвоенный еще в глубокой древности. «К свободе призваны вы, братия!» — писал апостол Павел (Гал. 5:13). Разумеется, свободу в этом смысле, свободу действий самостоятельного и ответственного гражданина, не следует путать с безграничной холопско-казацкой «волей» и купечески-новорусским своевољством.

Свобода — это возможность выбора. Даже у самой незамысловатой шахматной позиции есть несколько продолжений. Жизнь человеческого общества гораздо богаче вариантами. И хотя зачастую приходится выбирать «из

двух за!», безвыходным мы обычно называем такое положение, ясный и очевидный выход из которого нам просто не нравится.

Исторический выбор мы делаем ежедневно, подчас совершенно этого не сознавая. Иногда только весьма отдаленные последствия могут прояснить все значение сделанного некогда шага. Но всегда наш выбор диктуется образом желательного будущего. Мы выбираем свой проект будущего не только тогда, когда выбираем президента и парламент. Мы делаем это ежедневно, выбирая людей, с которыми дружим, и книги, которые читаем. В любом обществе людей постоянно идет эта сложная борьба между разными проектами будущего.

В ходе этой борьбы довольно часто общественные системы оказываются в состоянии неустойчивого равновесия, и тогда выбор немногочисленной, но энергичной группы (и даже одного человека!) может существенно изменить траекторию движения всего сообщества. Или, наоборот, повседневная деятельность множества «обычных» людей, преследующих собственные, часто мелкие и сиюминутные цели, «сдвигает» общество в ту или иную сторону, вопреки замыслам могущественных государственных мужей и великих реформаторов.

В этом смысле история представляет собой длинную цепочку развилок (в научной литературе для их обозначения пользуются специальным термином «точки бифуркации»). Каждый акт выбора отодвигает в тень нереализованные, потенциальные возможности, набор которых, существовавший на момент совершения выбора, по прошествии времени часто уже с трудом поддается реконструкции.

Гораздо проще и удобнее описывать только пройденный обществом путь, не задумываясь о том, какими ответвлениями и почему оно пренебрегло в «цепочке развилок». Но при таком подходе неизбежно возникает иллюзия «тотально целенаправленной» и «фатально предопределенной» истории, для описания мистического механизма которой и пользуются метафорами «божьего промысла», «национальной судьбы» и проч. Историю этого типа любят власти предрержащие, поскольку такая история служит обоснованием если не «исторической прогрессивности», то уж по меньшей мере «исторической неизбежности» наличествующей власти.

«Казенная» история, история «допущенных и рекомендованных» учебников, не знает сослагательного наклонения. По существу это предыстория торжествующего на данный момент «проекта будущего». Ее задача — воспитать гордость «героическими деяниями предков». Овладение этой историей — главная добродетель верноподданного, готового малодушно передоверить власти строительство будущего. Понимать обстоятельства и мотивы выбора предков (нередко совершавших деяния, гордиться которыми зат-

руднительно) — добродетель гражданина, готового действовать сознательно и свободно.

Знание и понимание альтернатив прошлого — лучшая из известных профилактик тяжелого заболевания национальной памяти типа «сделайте нам красиво», увы, весьма распространенного в наших широтах. Если немецких школьников водят на экскурсии в музей бывшего концлагеря Дахау, где они учатся каяться и не забывать, а следовательно и не повторять ошибок предков, то наших водят в Оружейную палату — любоваться золотом и блеском алмазов (той самой имперской «славой, купленной кровью», о которой отрекался Лермонтов). Обязательного посещения музея «Петровский пыточный застенок» и экскурсий в «Сталинский лагерь» в Отечестве нашем не заведено. Но прав был немецкий философ Карл Ясперс, когда требовал: «Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению. Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить ее. Опасность здесь в нежелании знать, в стремлении забыть и в неверии, что все это действительно происходило».

Эта книга — собрание очерков, повествующих об исторических «развилках», когда история нашего Отечества могла получить существенно различное продолжение, и о том спектре альтернатив, который держали в уме участники событий (историки называют его «горизонтом ожиданий»). Пусть Вас не смущает, что выбор всякий раз, по видимости, совершают значительные и высокопоставленные личности. Они всего лишь знаковые фигуры, о которых мы больше знаем и чей выбор символизировал выбор определенной части нации. Важно то, что, сознательно одобряя или не одобряя этот выбор, Вы совершаете свой собственный.